

Танечка стояла перед дверью, на которой красивыми каллиграфическими буквами было написано «Кабинет русского языка и литературы». Мечта сбылась! Учитель — как гордо звучит! Еще в детстве Танечка решила, что именно в этом заключено ее призвание, ее миссия, смысл ее жизни.

Выросшая в интеллигентной семье педагогов, в почти «оранжерейной» книжной атмосфере, она вместе с материнским молоком впитала любовь к «великому и могучему». Изнеженный танечкин слух мог воспринимать исключительно чистую «пушкинскую» речь в ее первозданном состоянии, возвышенную и благородную,

с изящными витиеватыми оборотами и забавными каламбурами. Поэтому еще в первом классе, услышав от директрисы «хочете» вместо «хотите», Танечка поняла, что обязана бороться за сохранение нетленных языковых традиций и наставлять на путь истинный неокрепшие детские умы.

И вот, спустя двадцать лет, окончив филфак и аспирантуру, она оказалась в обычной школе, стоящая возле двери, что открывает дорогу к душам юного поколения. Молодая учительница одернула строгий пиджачок, расстегнула верхнюю пуговку воротничка блузки и на крыльях одухотворенности впорхнула в заветный кабинет.

— Здравствуйте, ребята!

Она сразу оказалась под прицелом тридцати пар настороженно-удивленных глаз.

— Меня зовут Татьяна Владимировна. Я ваш новый преподаватель по таким дисциплинам, как русский язык и литература.

Весь класс облегченно выдохнул.

— Садитесь, пожалуйста, — улыбнулась Танечка и открыла журнал. — Восьмой «А»?

Послышалось утвердительное мычание.

— Прекрасно! Думаю, чуть ближе я познакомлюсь со всеми в процессе наших занятий, а сейчас...

— Я уже готов! — раздался грубый голос.

— Это потрясающе! — восторженно воскликнула Танечка, — Тогда попрошу Вас выйти к доске и рассказать нам о великой поэме Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин».

— А че сразу к доске?! Я только процессом хотел с Вами заняться, чтоб познакомиться поближе!

Класс разразился хохотом. Танечка несколько смутилась, ибо искренне не понимала, что же так развеселило ее учеников. «Наверное, они смеются из-за того, что он произнес „че“ вместо „что“», — подумалось ей. Она сама слегка усмехнулась и продолжила урок:

— Поскольку наш юморист уже заявил о себе, то моральный долг просто обязывает его представиться.

— Букреев я! — отозвался все тот же голос.

— Очень хорошо, Букреев, — Танечка сверилась с журналом в поисках имени. — Итак, Леонид, будьте любезны, осчастливьте меня своим ответом!

На середину класса нехотя вышла внушительная фигура в мешковатых штанах и безразмерном свитере.

— Ну, че... Там есть тема такая... Типа Татьяна втюхалась в Онегина, настрочила ему мэйл, а он не просек, в чем фишка...

— Леонид, прости, что перебиваю, а ты сейчас о чем говоришь? — округлила глаза Танечка.

— Не, конечно, он врубался в измерение, но тока фиолетово ему было, — исправился парень, — Его приперло поюзать Ольгу, с которой типа Ленский мутил. Но тот тоже не лох — просек эту мазу и Онегину стрелку забил...

Побледневшая Танечка неподвижно сидела за учительским столом, мучительно пытаясь вникнуть в суть сего монолога. Но тщетно. Вернее, значения некоторых отдельных слов ей были ясны, она даже приблизительно представляла, о чем конкретно идет речь, однако увязать услышанную тарабарщину с бессмертным произведением Пушкина никак не получалось. А Леня продолжал:

— Завалил он Ленского, кароче, потом всосал, что проколся не по-децки, а уже поздняк метаться было. Вот...

— Спасибо, садись... Два! — полуслышно выдохнула Танечка.

— Не, че, там разве не в этом ботва? — обиделся Леонид.

— Ботва — это листья корнеплодов! А они — корнеплоды — к «Евгению Онегину» абсолютно не имеют отношения! — вспыхнула Танечка, — Пожалуйста, Волимпиева.... Виктория!

Встала девушка с ярко-розовыми волосами, боевым раскрасом на лице, с серьгами в губах, бровях, ушах и пупке.

— Мне продолжить или сначала начать? — поинтересовалась она.

— Желательно сначала, а то из выступления предыдущего оратора мы мало, что почерпнули, — взволнованно выпалила Танечка.

— Окей! Кароч, Онегин был отвязным чуваком, тусил там, зажигал и решил, что не хило бы склеить какую-нибудь чиксу...

— Виктория! Что ты себе позволяешь?! — взвизгнула Танечка.

— Че опять-то не так?! — удивилась Вика.

— Манера изложения! Жильцов — к доске!

— Я с места отвечать буду! — прогремело с задней парты.

Танечка, едва сдерживая слезы, молча кивнула.

— «Евгений Онегин» — поэма о гоблине по имени Жека и по фамилии Онегин. Я ее не читал, тупо потому что меня зовут Саня, а фамилия моя Жильцов и я читаю только рэп! Респэкт!

Реплика была встречена дружным смехом.

— Вы издеваетесь надо мной?! — разрыдалась Танечка и выбежала из кабинета.

Она сидела в каморке учителя физкультуры, окруженная старшими коллегами.

— Ничего, Танюша, привыкнешь, — утешала Танечку учительница биологии, накапывая ей в стаканчик валерианку.

— Не принимай близко к сердцу, — заметила преподавательница истории, затягиваясь сигаретой.

— Таньк, ты нервы побереги, а то тебе рожать еще, — отвесил физрук.

— Да как вы не понимаете, — всхлипывала Танечка, — Это же русский язык... Во что они его превратили!.. Это литература... Шедевры! Так нельзя!

Слова путались и проглатывались. Слизистый комок, вставший в горле, мешал разговаривать. Хотелось завывать от обиды, разочарования и бессилия.

Вошла директриса.

— Татьяна Владимировна, шли бы вы домой... Успокойтесь, а потом мы с вами все обсудим.

— Да, конечно... Извините меня, пожалуйста, за такой эмоциональный выплеск.

И спасибо Вам за поддержку! — Танечка вышла, прижимая к губам промокший шелковый платочек.

— Писец мелкой здесь придет — порвут ее эти спиногрызы! — вздохнул физрук.

— Спорю на пятихатку, хрен два она у нас осядет больше, чем на месяц! — вставила историчка, делая очередную затяжку.

— Тоже мне, загнула — месяц. Через неделю свалит! — ухмыльнулась биологичка.

— Ладно, харе терки тереть. Вы как хотите, а я жуть как заколебалась сегодня! Надо бы оттопыриться, — резюмировала директриса и поставила на стол бутылку «Путинки».